

Мы приехали в Перedelкино несколько раньше назначенного времени. Ираклий Луарсабович отдыхал. По приглашению Вивианы Абелевны Андрониковой мы расположились на пахнущей деревом новенькой веранде. Она казалась свежеструганным, плывущим среди зеленого моря фрегатом с развевающимися от теплого ветра яркими парусами-занавесками. Здесь, очевидно, был летний филиал рабочего кабинета хозяйки: на большом столе разложена верстка его новой книги — трехтомника, готовящегося к печати в издательстве «Художественная литература». Здесь же записные книжки, иллюстрации к будущему изданию, стопка чистой бумаги. И, конечно, томики Лермонтова...

Но вот и Ираклий Луарсабович Андроников. Первое впечатление — ощущение внутренней подтянутости. Даже в этот жаркий летний день он не сделал для себя никаких скидок: в темном костюме, элегантном галстуке — такой, каким мы привыкли видеть его на экране телевизора.

Выполнить просьбу фотокорреспондента — переодеться в дачную блузу, что показалось в этой обстановке естественным, — решительно отказывается.

— Я всегда сижу здесь именно в таком виде. И ни в каком другом...

— Ираклий Луарсабович, что нового войдет в трехтомник по сравнению с предыдущими вашими книгами?

Андроников задумчиво перебирает испещренные убористым шрифтом листы.

— Войдут очерки о Николае Тихонове, Кайсыне Кулиеве, Корнее Ивановиче Чуковском, Николае Заболоцком. Впервые включается в новое издание также рассказ о Юрии Тынянове — одном из моих любимых учителей. Никогда не забуду, как в 30-х годах я помогал ему в качестве литературного секретаря. Он писал в ту пору статьи для Пушкинской энциклопедии. И вот на моих глазах подготовленные мной сухие справки и деловые документы превращались в живые образы Пушкина и его современников. Именно тогда в моей душе родилось стремление проникнуть в тайную прелесть пушкинских строк...

Нас приглашают к столу. И такое впечатление, будто вместе с нами в комнату вошли Алексей Николаевич Толстой, Самуил Яковлевич Маршак, Федор Иванович Шалигин... И мы как бы оказались свидетелями их разговоров, слышали их голоса, шутки (конечно, в воспроизведении хозяйки дома).

Неоднократно доводилось слышать удивительный рассказ Андроникова о встрече с великим пролетарским писателем на его подмосковной даче в Горках. Но сегодня этот рассказ, наполненный новыми деталями, подробностями, репликами, звучит как бы впервые. Словно мы сидим в кругу приглашенных на дачной веранде Алексея Максимовича.

— День, проведенный на даче в Горках, — говорит Андроников, — повлиял на всю мою жизнь. Горький, великий мастер устных воспоминаний, поддержал меня, сказав, что мои веселые рассказы — дело серьезное.

Почему я называю эти рассказы устными? Потому что некоторые из них я читаю уже более 30 лет, а они до сих пор не написаны: мне представляется, что при переводе на бумагу они, лишённые жеста, мимики, интонации, потеряют свою «портретность». По жанру это, так сказать, «говорящая литература».

В комнату вбегают трехлетняя внучка Ирина, или Тюпа, как ее называет дед. Она весело смеется, слушая, как «дедушка Ираклий» говорит разными головами, изображая знаменитых людей.

— Говорят, что мои рассказы — это своеобразный театр. Возможно. Судить не мне. Но по секрету должен вам признаться, что по своей природе я опаслив и, выходя на сцену, стремлюсь «укрыться» за спиной того или иного из моих персонажей. Однако сам образ рассказчика как бы вступает в борьбу с этим моим самоограничением и проявляет себя часто очень неожиданно для меня самого. Этот образ «автора» как бы корректирует события, время, поведение моих персонажей.

КОГДА РАССКАЗЫ СТАНОВЯТСЯ ТЕАТРОМ

Несколько часов с Ираклием Андрониковым

Перед выступлением я обычно стараюсь разозлить «автора». В эту психологическую игру включается и жена.

«У тебя же нет ничего нового, — как бы вскользь говорит она. — С чем же ты выйдешь на публику?»

Тогда «автор» во мне возмущенно протестует, и из этой злобы возникает состояние подъема и желания во что бы то ни стало опровергнуть эти обидные слова. Я выхожу на сцену, и уже рассказ, наполняясь новыми деталями и словами, ведет меня, а не я его. «Автор» побеждает.

— Мы очень благодарны вам за эти незабываемые встречи с интересными, острохарактерными людьми. И все же, очевидно, главный человек, определивший вашу жизнь, ваши поиски, — это Лермонтов. Продолжается ли ваша работа в этом направлении? И будут ли опубликованы новые очерки в открытом вами жанре — рассказе о научном поиске? Ведь все мы с наслаждением читали «Загадку Н. Ф. И.», «Тагильскую находку», «Трагедия Василия Завелейского», «Новый поиск. Швейцария».

— В работе всегда что-то есть, что в конце концов может стать рассказом о том, как велся научный поиск, о людях, помогавших на этом пути, о многочисленных встречах. Но чтобы такую историю опубликовать, необходимо найти доказательства подлинности той или иной литературной находки. А это отнюдь не всегда удается. Долгие годы, например, не дает мне покоя мысль о так и не найденном дневнике Михаила Юрьевича, который, я в этом уверен, где-то существует, как об этом свидетельствуют многие факты и очевидцы. Я словно вижу перед собой эти летучие листки, испещренные торопливым, так хорошо знакомым мне почерком поэта. И обложку со скачущими конями... Однако где сейчас этот дневник, остается загадкой.

Однако пора заканчивать встречу. Писатель, провожая меня, в своем строгом костюме, сосредоточенный, подтянутый, выглядит так, будто вновь находится перед ответственным стартом, и его мысль снова и снова поведет читателя по трудным дорогам вечного поиска.

Вела беседу
Валентина ЖЕГИС.